Воронин В. С., Дьякова М. А.

ЗАКОНЫ ФАНТАЗИИ И АБСУРД В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО "ГОЛУБАЯ ЖИЗНЬ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/13.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 34-36. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

проявляется в контекстах, содержащих умолчание, эвфемистическую замену или дающих экспрессивно-образную характеристику называемого» [Диброва 2002: 540]. Например: *В середине грудной клетки Григория словно одубело* ***то, что до атаки суетливо гоняло кровь*** *(М. Шолохов).*

Итак, во фразовом наименовании соотносительные слова ***то, тот***, указывая на предмет, явление, не называют его. А придаточная часть как бы раскрывает смысл того, что скрыто за местоимением. Например: *И я решился на* ***то, за что меня судили*** *(В. Брюсов).* Герой Брюсова не говорит прямо: «*Я решился* ***на воровство***». Это звучит не только грубо, но и не соответствует сути происходящего в авторском повествовании. Автор использует сложноподчиненное предложение местоименно-соотносительного типа, включающее фразовое наименование, чтобы скрыть истинный негативный смысл высказывания. Таким образом, можно говорить о фразовом наименовании как особом расчлененном эвфемизме.

Специфика фразового наименования состоит в том, что в ее пространстве сталкиваются, существуя одновременно в одном знаковом теле, и эвфемистическое, и деэвфемистическое начала. По сути дела, указательное местоимение в составе фразового наименования оформляет трехступенчатый процесс эвфемистического обозначения: 1) фиксация денотата в пространстве; 2) выражение отношения к признаку; 3) сам признак. В придаточной части наблюдается своя иерархия: предикативный центр (сказуемое), второстепенные элементы (добавочные конкретизаторы, осложнения). Кроме того, в пространстве фразового наименования соотносятся текстовые и метатекстовые элементы. Метатекстовый план представлен субъективно окрашенными наклонениями глагола, модальными глаголами, вводно-модальными средствами, вставными конструкциями, фразеологизмами, перифразами и др. Например: *Именно потому, что я ценю вашу верность, я и не хочу обманывать вас притворной нежностью. Я даю вам* ***то, что <u>могу</u> дать искренно, от всей души****. Не спрашивайте с меня большего (В. Брюсов).*

В приведенном контексте мы наблюдаем употребление фразовой номинации, осуществляющей эвфемизацию именно благодаря синтезу собственно текстового и метатекстового начал, причем формирование и того, и другого находится в компетенции языковой личности автора.

Употребление фразовых эвфемизмов, как можно заметить, в основном базируется на взаимообусловленности употребления и структурно-грамматического и лексического состава образующих перифраз. Возможность предицирования любого, в принципе, признака наименования позволяет говорящему включать во «внутреннюю форму» наименования то, что представляется ему нужным, удобным, достаточным для намека. Выполняющие эвфемистическую функцию фразовые эвфемизмы характеризуются участием в восполнением мнимой (конвенциональной) недостаточности, так сказать, «по желанию» говорящего. Языковая личность автора при этом имеет возможность выбора наименования и, как правило, останавливается на предикативной форме описательного обозначения, предпочитая ее словарной (лексико-фразеологической).

Список использованной литературы

1. **Арутюнова Н. Д.** Речевой акт // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. - М.: РРЭ, 1998. - 2-е изд. - С. 412.
2. **Булыгина Т. В., Крылов С. А.** Означающее. - М.: РРЭ, 1998. - С. 343.
3. **Буров А. А.** Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке: В 3-х чч. - Пятигорск, 1999. - 524 с.
4. **Буров А. А**. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: Дис. … д-ра филол. наук. - Ставрополь, 2000.
5. **Диброва Е. И.** Современный русский язык: теория. Анализ языковых единиц. - М.: ACADEMIA, 2002. - Ч. II: Синтаксис. - 704 с.
6. **Максимов Л. Ю.** Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. - М., 1971.
7. **Реформатский А. А.** Введение в языкознание. - М., 1996. - С. 104.

ЗАКОНЫ ФАНТАЗИИ И АБСУРД В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «ГОЛУБАЯ ЖИЗНЬ»

Воронин В. С., Дьякова М. А.
Волжский гуманитарный исниститут (филиал) Вологоградского государственного университета

Среди основных принципов фантазии: сращивание признаков различных объектов, умножение и разделение объектов, установление реально не существующей связи между объектами, превращение части в целое, признака в объект и обратно, возникновение и исчезновение объекта - самый последний и самый фантастический играет большую роль в художественном мире горьковского рассказа «Голубая жизнь». В реальном аспекте - это уход из жизни главного героя Константина Дмитриевича Миронова отца и матери, а затем ребёнка и жены. Это намерение пронырливого шалуна и забавника столяра Каллистрата подчинить себе героя, женить его на своей племяннице, обладательнице «огромных полушарий бёдер» и двухэтажных губ, готовых «высосать всю кровь из человека» [Горький 1973: 501-502].

В метафорическом аспекте погибает и исчезает лучшая часть души самого героя, романтический мир его иллюзий, мечты о тихой и спокойной жизни. Суть турбулентной истории России, не поддающейся программированию, схвачена в горьковской зарисовке полурастительной уездной жизни с замечательной точно-

стью. Казалось бы, достаточно обеспеченный главный герой совершенно свободен после потери родителей, но внезапно оказывается, что даже в своих воздушно-лёгких мечтах он связан. Логику подавляют уравнения противоположностей типа А = не-А, противоречивость объекте, субъекте, пространстве и времени

При этом реальный и иллюзорный мир в «Голубой жизни» пребывают не только в антагонистическом столкновении, но и проникновении друг в друга. При этом мнимый мир воображения предваряет ход самой реальности, указывает направление её развития, и в художественном мире рассказа осуществляется принцип Парменида, согласно которому «одно и то же мысль о предмете и предмет мысли» [Чанышев 2001: 218].

Наблюдая закатное солнце, Миронов приходит к выводу, что светило ускользнуло из лечебницы душевнобольных, и пытается в реальном небе расставить воображаемые кружочки городов, ведущих в Париж - центр его устремлений. Но вот странное обстоятельство: последнюю пятую точку «приходилось ставить или очень близко к солнцу или в центр его, и тогда точка Парижа становилась досадно невидимой» [Горький 1973: 465]. Эта символическая неудача уже предсказывает, что до Парижа ему не добраться.

Подчеркнём некоторые обстоятельства этого мысленного эксперимента. Облачного неба нет, Горький оговаривает, что ветер разогнал «дымчатые клочья облаков», «чисто вымел небо», но вот именно сегодня пять точек не расставляется, хотя при закате солнца, недостатка в пространстве нет: в распоряжении воображения почти целое небо. Тем самым автор подчёркивает чисто субъективную недостаточность воображения Миронова сотворить свой голубой город мечты. Фантастическое не помещается в реальном. С другой стороны, иллюзорное пространство-время настолько поглотило героя, что мы знаем, что он где-то служит, но на какой именно службе он был в свои юношеские годы мы так и не узнаем. Это время реальной жизни исчезло не оставив никаких следов. Сращивание признаков солнца, потерявшего лучи, с чертами лица «гладко обритого» пациента психолечебницы оказывается пророческим для самого Миронова, он тоже туда попадёт, и ему удастся выскользнуть оттуда, но утратив лучшую часть своей души, став ненормальным в своей жадности и бессердечии.

Множество миров возникает, едва главный герой закрывает глаза, в точках тьмы возникают вихри, и они «приводят безграничие тьмы в безмолвное кипение» [Горький 1973: 505]. Тьма порождает мысли, но они облекаются в затверженные словесные штампы. У Миронова попросту нет слов, чтобы выразить свой мысленный мир, и он опасается его. Он хорошо помнит, что слово «задумались» на языке отца относилось к рыбе, мясу и молоку и означало, что продукты испортились. Задумывается и он, и портит сначала только свою жизнь, а затем чужую.

Миронов не любил смотреть в зеркало. Он заметил, «что если смотреть долго - темнеет в глазах, отражение постепенно исчезает, возможно, что вместе с ним исчезнешь и сам» [Горький 1973: 472]. Это одновременное и установление не существующей реально связи между отражением и героем, и исчезновение объекта, в данном случае отражения получает воплощение в том, что лучшая романтичная часть души самого Миронова усохнет, исчезнет. Воображение Миронова до крайности противоречиво, но художественно обосновано. Он влюбляется в тонконогую Лизу с ничего не значащим лицом, и, хотя помнит, что она «так же некрасива, как он», но вдруг в день Пасхи удивляется «как же это он не заметил раньше, что Лиза красива?» [Горький 1973: 472] (А = не-А в субъекте). Он мечтает увезти Лизу Розанову в Париж и поселиться в «комнате для одинокого» (А и не-А впространстве). То есть и вдвоём с любимой он находится в комнате своего собственного одиночества. Но и реальность тоже отбрасывает тени в будущее. Однажды он пригласит Лизу, на свидание и выберет для этого кладбище. Свидание оказалось мнимым. Лиза не пришла. А одиночество вдвоём воплотилось в своём горьком варианте: их супружеская жизнь тоже не задалась. Мы узнаём в финале повествования, что избранница Миронова, став его супругой, родила мёртвого ребёнка и умерла.

Совершенно фантастическим выглядит сон Миронова, в котором «большая рыжая лиса быстро металась по небу, слизывая звёзды, и этим создавала такую длинную угнетающую тьму, что земля казалась сброшенной в бездонный колодец» [Горький 1973: 505]. Мы видим здесь сращивание признаков вселенной и колодца по признаку бездонности и тьмы по завершению эволюции Метагалактики, ведь по современным представлениям, основное наполнение вселенной - тёмная масса, наблюдаемая только по своему гравитационному эффекту, а постепенное угасание и распад звёзд именно таков финал истории нашей части Вселенной. Можно видеть здесь намёк на существование чёрных дыр во Вселенной, поглощающих материю и не выпускающих оттуда ничего, даже света. В переносном аспекте исчезновение путеводных источников света - это отсутствие надежды на перемены в судьбе Константина, гибель его романтических ожиданий в скучной реальности небольшого городка. Любопытно, что похожее чувство одиночества испытал в том самом Париже известный писатель Д. С. Мережковский: «Все люди одинаковы, нельзя одного отличить от другого. Мелькнёт - и пропадёт. Был - и нет. Нет никого, и меня нет. Люди - капли в водопаде, который низвергается в бездну - в ничтожество» [Мережковский 2004: 214].

Вспоминая об отношениях своих родителей, Константин не может понять, что лежало в основе союза ненавидящих друг друга матери и отца? Непонятно было, что связывало весёлого отца, мастера на все руки, с грубой, тяжёлого характера женщиной-пьяницей. И Горький никак не поясняет эту связь. Может быть, это просто не полнота любви, а полнота ненависти и поэтому отец дарит матери кашемир на платье, «а внутри подарка оказалась противная зелёная картина «Смерть грешника», - в ногах умирающего человека стоял, оскалив зубы, высунув огненный язык, зелёный чёрт » (468). Сначала это развеселило мать, а потом обидело, и она заплакала. Эти противоречивые люди сразу не могут сказать ничего определённого. Но и подарок

противоречив, это А и не-А - хорошее и плохое. Абсурд заключён в самом объекте, и реакция сочетает в себе и радость, и слёзы.

Чудак Миронов и его отец старались избавиться от скуки, хотели создать новый мир вокруг себя цветной, яркий. Любителем необыкновенного выступает и столяр, всегда хотевший взорвать раз и навсегда установленный скучный порядок. Он анархист по природе, любитель кавардака, адепт хаоса, ещё одна сила, покушающаяся на космос мечты Миронова. Столяр вроде бы желал поддержать чудаческие наклонности в Миронове, но получилось то же самое, что он сделал с замечательной игрушкой отца Константина - глобусом, играющим весёлые мелодии: «хотел исправить, но окончательно сломал всю музыку» [Горький 1973: 521]. Столяр представляется чрезвычайно многоликим, нетождественным самому себе: он чудак, мошенник, колдун, сумасшедший, любитель необыкновенного. Миронов полагает, что он наделен особой силой, может превратить его в собаку. Он не знает, как ему избавиться от этой грубой, возмущающей всё его сознание силы. Кульминации в их взаимоотношениях предшествует установление реально не существующей связи мира картины «Смерть грешника», увиденной Константином ещё в детстве, с происходящим в реальности. Изображение вдруг проступает в грёзах Константина на потолке, и в дьяволе герой узнаёт Столяра, который явился затем, чтобы наказать его как грешника, отпавшего от бога «обыкновенных людей». С этого момента и начинается подлинное сумасшествие Миронова, решившего непременно укрыться от столяра. Горький вновь прибегает к удвоению объектов, к взаимодействию человека и его отражения. Взглянув в зеркало, накрытый простынёй герой, обнаруживает, что «блестящая глубина потемнела и тянет его в себя, требует, чтобы он упал в неё» [Горький 1973: 514]. В художественном мире «Голубой жизни» постоянно происходит сращивание черт человеческого и зоологического мира. Племянница столяра напоминает курицу, похож на гонимого им рыжего козла Розанов, у его дочери Лизы «остроносое птичье лицо». Желая спрятаться от Столяра, вырастающего в мифическую фигуру, герой прячется от него на чердаке и видит, что на него идёт рычащий возчик Артамон, и «было ясно, что Столяр приказал возчику считать Миронова лошадью» Пойманный герой «ударяется головою о жестокую пыльную тьму, тело его как бы растаяло, разрушилось» [Горький 1973: 516]. Но исчезло не тело, а мечтательная, романтически настроенная часть души героя.

Своё воскрешение герой связывает с попаданием в рай, с появлением врача, которого он принимает за настоящего мудрого Бога, создателя голубой тишины. И тут перед врачом, как перед богом, Миронов выступает с гневной критикой человеческое общества, где обыденная жизнь людей напоминает собачью: «Они там, знаете, как собаки, - ужасное бесстыдство! Потом - рожают, едят мочёные яблоки и жадничают, жадничают, невероятно!» [Горький 1973: 518]. В его пламенной речи возникает обыкновенный бог, устранившийся от людских дел и предоставивший командование Столяру. В этом мятеже Горький зафиксировал готовность тишайшего обывателя к громкому бунту во имя тишины, к свержению неподходящих богов, отождествляемых с чертями и к сумасшедшему утверждению нового Бога, ко всему тому, чем так была богата Россия XX века.

Герой оказывается спасённым в телесной части своей души толбко благодаря тому, что вовремя ощупал свою голову, похожую на глобус, и запел песенку про чижика, ту самую, что пела отцовская игрушка. Но после исцеления перед нами возникает другой Миронов - холодный, расчётливый. Сначала он судился со столяром, потом судился с тестем из-за приданого, а в финале повествования он советует повествователю не торговаться, ибо рассказ о его «временном несчастии» тоже принесёт выгоду писателю.

Герой даже не подозревает, что его короткий период жизни, наполненный эмоциями и страхом не только за себя, и любовью не только к себе был как раз его временным счастьем. Став нормальным, он оказался хуже ненормального.

Список использованной литературы

1. **Горький М.** Собрание соч.: В 25 т. - М.: Наука, 1973. - Т. 17.
2. **Мережковский Д. С.** Собрание сочинений. Грядущий хам. - М.: Республика, 2004.
3. **Чанышев А. Н.** Философия древнего мира: Учеб. для вузов. - М.: Высш. шк., 2001.

ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ КИТАЙСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: РУГАТЕЛЬСТВО КАК СПОСОБ САМОЗАЩИТЫ

Глазачева Н. Л.
Благовещенский государственный педагогический университет

Китайские толковые словари раскрывают значение иероглифа 骂mà «ругать, бранить» следующим образом. Словарь «辞源»: «сыпать злыми словами в адрес другого человека». Словарь «辞海»: «произносить злые речи по адресу другого человека». Согласно словарю «现代汉语词典» это слово имеет два значения: «1. оскорблять человека злыми или грубыми словами; 2. порицать *кого*, выговаривать *кому*». Таким образом, все эти авторитетные источники рассматривают в качестве объекта ругательства другого человека. Однако наблюдения за живым языком показывают, что это не так. Для китайцев нередки ситуации, когда человек сыплет ругательствами в свой собственный адрес. Анализ художественной литературы позволил выявить немало таких случаев в китайском речевом поведении и классифицировать их.

1. Человек ругает себя, моля о пощаде.